

Николаи Ф. В. Военно-историческая антропология: векторы теоретической полемики в российской и англоязычной историографии / Ф. В. Николаи, Л. В. Софронова, А. В. Хазина // Научный диалог. — 2021. — № 2. — С. 356—370. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-356-370.

Nikolaev, F. V., Sofronova, L. V., Khazina, A. V. (2021). Military-Historical Anthropology: Vectors of Theoretical Polemic in Russian and English Historiography. *Nauchnyi dialog*, 2: 356-370. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-356-370. (In Russ.).

УДК 930.2+572:355.01(091)

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-356-370

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ: ВЕКТОРЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ПОЛЕМИКИ В РОССИЙСКОЙ И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

© **Николай Федор Владимирович (2021)**, orcid.org/0000-0002-8876-9441, доктор философских наук, профессор кафедры всеобщей истории, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина»; профессор кафедры социально-гуманитарных наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Приволжский исследовательский медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации (Нижний Новгород, Россия), fvnik@list.ru.

© **Софронова Лидия Владимировна (2021)**, orcid.org/0000-0002-7259-4333, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина» (Нижний Новгород, Россия), lidiasof@yandex.ru.

© **Хазина Анна Васильевна (2021)**, orcid.org/0000-0001-5044-4900, кандидат исторических наук, зав. кафедрой всеобщей истории, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина» (Нижний Новгород, Россия), annh1@yandex.ru.

Предлагается классификация теоретических подходов в военно-исторической антропологии. Авторы отмечают, что в англоязычной историографии в целом преобладает социальный конструктивизм, а в отечественных исследованиях — экзистенциальный подход. Показано, что все большую роль в последнее время начинают играть социально-культурное направление и феноменология фронтового опыта. Сделан вывод о том, что теоретический анализ различий этих подходов позволяет не только обозначить их сильные и проблемные стороны, но и наметить перспективы взаимодействия между ними. Авторы отмечают, что наиболее перспективной сегодня представляется установка на соучастие представителей академического сообщества в совместных с комбатантами культурных практиках репрезентации фронтового опыта, позволяющая сделать диалог

между феноменологией фронтового опыта и социально-культурным подходом наиболее продуктивным. Доказывается, что в рамках такого диалога вопрос о соотношении нормативных социальных структур и локальных практик не должен редуцироваться к заранее известному ответу. Подчеркивается, что теоретическое напряжение между обозначенными подходами имеет смысл не нивелировать или радикально абсолютизировать, но прорабатывать — искать точки практического взаимодействия и модификации существующих стратегий осмысления прошлого.

Ключевые слова: военно-историческая антропология; практики коммеморации; социальный конструктивизм; феноменология фронтового опыта.

1. Введение

Традиционная военная история новейшего времени сегодня все чаще подвергается критике с двух сторон: во-первых, исследования «новых войн» проблематизируют ее европоцентристский характер, нивелирование колониальных конфликтов, а также акцент на боевые действия вместо более широкого анализа ситуаций на грани войны и мира — революционного насилия, миротворческих операций, действий оккупационных сил, введения чрезвычайного положения внутри страны и т. д. [Калдор, 2019] Во-вторых, военная антропология ставит под вопрос гипертрофированное внимание к деятельности полководцев и дипломатов, крупным военным операциям и решениям политиков в ущерб анализу тактик выживания рядовых солдат. Как справедливо отмечает А. В. Гладышев, методологическим приоритетом при такой смене оптики становится микроистория: «На смену обезличенной структуре приходит лик индивида» [Гладышев, 2017, с. 136]. Оба эти вектора критики активно развиваются с середины 1990-х годов как на Западе, так и в России, но пока их методологические приоритеты не прояснены в достаточной степени.

Целью данной статьи представляется общая разметка основных теоретических подходов в военно-исторической антропологии в российской и англоязычной историографии. На первый взгляд, эти различия представляются весьма радикальными: в западных исследованиях доминирует социальный конструктивизм, в рамках которого субъективность солдат и их отношение к войне рассматриваются как *эффект* работы военной машины. В отечественном историческом сознании преобладает скорее экзистенциальный подход, подчеркивающий важность солдатского «боевого духа». Теоретический анализ различий этих нарративов позволит обозначить сильные и проблемные стороны каждого из подходов, а также наметить перспективы взаимодействия между ними.

Сам термин *военно-историческая антропология* используется в отечественной историографии с начала 2000-х годов. Его активным популяризатором стала Е. С. Сенявская [Сенявская, 2016]. В 2000 году было

проведено несколько конференций по этой проблематике: «Военно-историческая антропология: предмет, задачи, перспективы развития» (ИРИ РАН, Москва), «“Homo belli” — “человек войны” в микроистории и истории повседневности» (Н. Новгород), «Человек и война. Война как явление культуры» (Челябинск). В 2002 году была создана Международная ассоциация военно-исторической антропологии и психологии, стал издаваться соответствующий ежегодник. Общим моментом, объединившим исследователей разных гуманитарных дисциплин в это новое направление, стал интерес к специфике фронтового опыта и форм его репрезентации в разные исторические периоды. В западной историографии эта проблематика также активно обсуждалась в 1990—2000-е годы. Однако здесь различия между позициями разных авторов оказались более существенными. Поэтому в целом можно выделить несколько теоретических подходов.

2. Социальный конструктивизм

В американской военной антропологии до последнего времени преобладало социально-конструктивистское, или критическое, направление, ставившее своей основной целью разоблачение милитаристской политики ведущих мировых держав, провоцирующей локальные конфликты. К. Латц, Д. Прайс и другие авторы исследуют интернализацию нормативных социальных установок и использования насилия в ходе военных действий [Lutz, 2002; Lutz, 2009; Price, 2011]. В частности, К. Латц анализирует практики повседневных взаимодействий между военнослужащими базы Форт Брэгг в Северной Каролине и сообществом соседнего города Файетвилля. По ее мнению, провести четкую границу между войной и миром, армией и гражданскими невозможно. Экономика, повседневность, культурная индустрия жителей Файетвилля оказываются пронизаны отголосками войны. Субъект-позиции и жизненные стратегии комбатантов также оказываются вписаны в общие схемы сигнификации, контролируемые государством.

Представители критического направления активно выступают против сотрудничества антропологов с военными подразделениями, например, в рамках созданной в 2007 году в Афганистане «Human Terrain System». Однако социальный конструктивизм во многом нивелирует специфику военного опыта, навязывает ему внешние модели объяснения. Например, приравнивание «чувства ответственности» к «вине и стыду» у Н. Шерман [Sherman, 2014] представляется совершенно некорректным. Поэтому в 2010-е годы такой линейный конструктивизм становится все менее популярным. Повседневные тактики поведения солдат и офицеров часто укло-

няются от навязываемых «сверху» нарративов или выборочно используют их в своих собственных целях. Задачей антропологии в этом контексте оказывается не просто переключение масштаба исследования с макро-социального анализа на микроисторию, но апелляция к гуманитарным ценностям и саморефлексия над собственной этической позицией исследователя. Такой подход позиционирует себя наследником философской антропологии эпохи Просвещения. Объектом его анализа выступают не просто нравы солдат, рассматриваемых антропологом подобно «туземцам» (или в духе этнометодологии Г. Гарфинкеля), но присущие человечеству в целом этические императивы, идеалы гуманности и рациональные суждения. С другой стороны, это направление явно наследует идеи марксистской критической теории, которая характеризует общество в терминологии культурной гегемонии и отчуждения классового сознания. Субъективные представления навязываются господствующими медиа, опыт (включая военный) определяется нормативной риторикой господствующего класса. Антрополог стремится вскрыть работу ложного сознания и добиться смены акторов / субъектов действия: вместо государственных институтов перенести акцент на отдельных людей. Внутреннее напряжение между этими двумя пониманиями критики и антропологии определяет перформативный пафос данного направления — стремление не просто объяснить мир, но изменить его — деконструировать доминирующий в медиа героический нарратив и добиться публичного осуждения инициаторов «новых войн».

2. Социально-культурное направление военной антропологии

Смягчить эту радикальную версию конструктивизма пытается преобладающее в Великобритании *социально-культурное* направление военно-исторической антропологии, которое опирается на идеи социальной истории, гендерных исследований, истории эмоций и культурной истории тела. Критикуя героический нарратив, который был необходим для повышения боевых качеств массовых армий в условиях Второй мировой и холодной войны, сторонники этого направления переносят акцент на исследования культурной памяти о Первой мировой войне и опыт «потерянного поколения» ее участников [Fussell, 1975; Уинтер, 2016]. Центральной проблемой при этом становится важность *двойной взаимосвязи* между непосредственным фронтовым опытом и стратегиями его культурной репрезентации. В частности, ведущий специалист по Первой мировой войне в англо-американской историографии Д. Уинтер доказывает, что язык выступает принципиально важной *рамкой памяти*: «Наши представления о войне — это всегда опосредованные знания и впечатления. Сама война — собственно убийства, то, что

У. Уитман называет “кровавым делом”, — находится за рамками нашего понимания. Чтобы разглядеть ее, нам нужны линзы, позволяющие отфильтровать часть ее ужасающего и слепящего света. <...> Каждый язык формирует собственный лексикон войны и содержит следы фронтового опыта. Другие линзы предлагают языки искусства — скульптуры, живописи, фотографии и кино. Все они предлагают опосредованные образы, которые вместе с вербальным языком формируют то, что Ян и Алейда Ассман называют “культурной памятью” о войне» [Winter, 2017, p. 1].

С данной точки зрения, задача современных исследований по военно-исторической антропологии связана с *проработкой прошлого* и предполагает выстраивание диалога между представителями разных поколений и социальных групп, включая сообщества комбатантов и художников, фотографов и архитекторов, писателей и родственников погибших. Такой социально-культурный подход представляется весьма продуктивным, но работает в основном с репрезентациями войны в воспоминаниях, литературе, искусстве. Его сильной стороной является компаративный анализ практик коммеморации в разных европейских странах (включая Россию). Однако акцент его сторонников на искусство и «высокую культуру» оттесняет на задний план повседневные практики выживания рядовых солдат. Кроме того, трагический нарратив в рамках этого подхода нивелирует стремление комбатантов к нормализации своего опыта и поиск позитивных рамок его артикуляции. В то же время социально-культурное направление позволяет гораздо более тонко работать с источниками личного происхождения, чем радикальный конструктивизм. Весьма показательны в этом плане работы известной британской исследовательницы Д. Бурк, в частности ее «Вторая мировая война: народная история». Эта книга интересна своим акцентом на свидетельства «обычных людей» (как военных, так и гражданских). Репрезентативность этой картины обеспечивается привлечением источников, характеризующих позиции представителей разных социальных классов, стран и поколений. Со сторонниками критического направления ее объединяет резкое неприятие брутальности «тотальной войны»: «Нанесение увечий и разрушение человеческого бытия лежит в центре военных конфликтов» [Bourke, 2001, p. 2]. Однако боль, страх и насилие интересуют Бурк не в плане критики милитаризма, — она рассматривает эти феномены как стратегии репрезентации опыта, вписываемые в существующие социальные рамки.

Функция антропологии здесь сводится к более тонкому и избегающему социального редуцирования анализу современных медиа и дискурсивных формаций. Исследователи стремятся не «изменить мир» или деконструировать используемые элитами языки его описания, но найти альтернативные

средства самовыражения и низовые практики уклонения от господствующих норм. В России это направление представлено в работах Н. Даниловой, Г. И. Зверевой, Е. Рождественской и ряда других авторов. В частности, Н. Данилова в работе «Политика памяти о войне в Великобритании и России» рассматривает трансформацию практик коммеморации в указанных странах. Прежде всего, речь идет о важности памяти для самосознания нации как «воображаемого сообщества» (в терминологии Б. Андерсона), которое на протяжении XX века, впрочем, все больше оттесняется на задний план профессиональной / корпоративной военной риторикой. С этой точки зрения, современная политика памяти оказывается гибридом, вынужденно сочетающим разные элементы — национальные, корпоративные, семейные и индивидуальные. Как и сторонники социального конструктивизма, Н. Данилова подчеркивает, что практики коммеморации всегда отсылают не только к прошлому, но и к настоящему — современным конфликтам и изменениям военной сферы. Старые символы (маки в Великобритании или георгиевская лента в России) при этом приспособляются к новым контекстам, рамкам и медиа. Сила ритуалов и практик коммеморации состоит прежде всего в их повторении и способности вызывать эмоции. «Воспоминание возникает как непреодолимое эмоциональное побуждение и перво-степенное моральное обязательство» [Danilova, 2016, р. X]. Эти эмоции могут использоваться в националистическом ключе и способствовать нормализации милитаризма, позволяя связать собственный опыт участия в войне или аффективной вовлеченности в конфликт и политические лозунги (обычно выдвигаемые элитами). В этом контексте особую роль приобретает не стремление элиминировать политическое измерение памяти, но его *проработка*, культурная саморефлексия и создание более мягких, не-милитаристских практик коммеморации: «Рассматривая память о войне с точки зрения гражданского общества, мы возвращаемся к важным вопросам об ответственности и этических обязательствах. Гражданское общество должно выработать самостоятельную стратегию памяти о погибших солдатах, конкурирующую с государственным или милитаристским дискурсом памяти о войне. Практикуя этот политический выбор, гражданское общество может защитить себя от опасностей милитаризма. А такая опасность возникает, когда мировоззрение военных становится базовым для нации в целом» [Danilova, 2016, р. 14].

В схожем ключе политика памяти в Восточной Европе рассматривается в книге «Войны (в) коллективной памяти» под редакцией Е. Рождественской, В. Семеновы, И. Тартаковской и К. Косела. Коллективная память выступает здесь источником конструирования актуальных идентичностей

в публичном пространстве — в музеях, мемориалах, школьных учебниках, интернет-сетях и т. д. В центре внимания авторов книги оказывается напряжение между социально-политическими рамками памяти, которые апеллируют к *общему моральному* или идеологическому императиву, и локальными практиками коммеморации, подчеркивающими свой *особый* статус и потому придающими принципиальное значение разным техникам *эстетизации* прошлого. Это различие коллективного и индивидуального редакторы издания напрямую соединяют с сосюрковским различием языка и речи: «Язык, как и коллективная память, — это коллективный продукт, не сводимый к активности его отдельных носителей. <...> В то же время “речь”, как и индивидуальная память, отражает культурные и биографические особенности ее носителей, что проявляется в вариациях, отклонениях и специфичности воспоминаний разных участников одного и того же события» [Collective Memory, 2016, p. 6].

Политика памяти формируется из напряжения между социальными и локальными рамками, нормативным языком и частной речью. Показательными примерами в этом отношении выступают главы Е. Рождественской и И. Тартаковской «Пространство памяти в “афганистанском” музее» и «Ветераны Афганистана: резонанс памяти». Отталкиваясь от идеи П. Нора о трансформации в XIX—XX веках мест памяти, все меньше репрезентирующих нации и все больше — социальные группы, исследователи отмечают, что индивидуальные речевые практики комбатантов, подобно калейдоскопу, предполагают выстраивание набора высказываний в зависимости от коммуникативных ситуаций. Героический нарратив предназначен для официальных мероприятий и «воспитания подрастающего поколения»; трагический направлен на матерей и родственников погибших; «среди своих» оба этих тропа диверсифицируются в пользу «мужской работы» и дискурса профессионализма; «посторонним» полагается рассказывать об этнографической экзотике, которая косвенно снимает ответственность за войну с комбатантов. Общей целью всех этих четырех тропов представляется укрепление статуса социальной группы ветеранов. Субъективация в этом контексте предполагает гибкое переключение режимов высказываний: с матерями «не принято» говорить о политике, а среди своих использовать трагический нарратив. Под влиянием данных тропов даже категория опыта и соматизация превращаются в эстетический прием: «При организации внутреннего пространства “афганского” музея принципиальное значение несут вещи, которые соматизируют и локализируют, то есть воплощают военный опыт. Эти репрезентации находят свое выражение в образах индивидуального или коллективного тела. Личная вещь, групповая фото-

графия, диорама боя — телесные и вещественные проекции пережитого, которые действуют как соматический проводник, позволяя транслировать и опосредовать заключенные в них эмоции» [Tartakovskaya, 2016, p. 90].

Подобное недоверие к феноменологии опыта редуцирует жизненный мир комбатантов к линейному следованию социальным рамкам и подчиняет их речевые практики нормативности сложившегося политического дискурса. Однако несомненным достоинством такой установки оказывается проблематизация сложившихся в общественном сознании стереотипов, использующих национальные нарративы XIX века применительно к гетерогенным современным конфликтам [Николаи, 20196]. В этом контексте функция антропологии в некотором смысле сводится к «прививке» междисциплинарных методов структуралистским социальным исследованиям, которые не схватывают специфику микроисторического уровня.

3. Феноменология фронтового опыта

Принципиально иначе проблематика военной антропологии рассматривается в работах И. В. Нарского, О. Нагорной и ряда других авторов [Нарский, 2005; Нагорная, 2008; Нагорная, 2011], работающих на стыке социально-культурной истории и *феноменологии фронтового опыта*. С этой (феноменологической) точки зрения война способствует инструментализации опыта. В отличие от позиции сторонников социального конструктивизма ключевая роль здесь отводится не социальной нормативности, но низовым практикам выживания и прагматике повседневности: комбатанты как «<...> представители принудительно созданной группы не просто пассивно принимали, но активно перерабатывали действительность через конструирование иерархических структур, поведенческих норм и образцов толкования. Изучение этих процессов даст возможность выявить механизмы приспособления индивида и сообщества к военному плену первой современной войны и конфликту с чужой культурной средой. Это приблизит к ответу на вопрос, в какой степени война становится для человека фактором эмансипации, обособляющим его от государственной машины и расширяющим пространство личного действия» [Нагорная, 2011, с. 198].

Принципиально важен для данного направления тезис о том, что военный опыт (наравне с промышленным производством и урбанизацией) стал неотъемлемой частью развития сообществ и технологий управления человеческими ресурсами в эпоху модерна. Кроме того, сильной чертой феноменологического подхода представляется внимание к конструированию образов Другого, которые формируются в процессе обоюдоострого разграничения «своего» и «чужого». Антропология здесь стремится учитывать не только

манипуляции фронтовым опытом «сверху» (со стороны армейской машины и государственной пропаганды), но и попытки повысить свой социальный статус перебирающимися из деревни в послевоенный город ветеранами «снизу». Однако не очень проясненным остается вопрос о соотношении феноменологии опыта и дискурсивного анализа форм его артикуляции. Ответить на него пытаются сторонники истории эмоций и исследований аффекта. В центре внимания Я. Плампера, С. Ушакина и ряда других авторов оказывается проблема сложной взаимосвязи дискурсивных форм, опыта и бессознательных (досимволических) установок [Oushakin, 2009; Николаи, 2019a]. «Инсценировка» или социальные нормы выражения эмоций здесь не всегда играют ключевую роль. Весьма показательной в этом плане представляется коллективная монография «Эмоции, политика и война» под редакцией Л. Эхэлл и Т. Грегори. Критикуя социальный конструктивизм за чрезмерную валоризацию теории рационального выбора в управлении обществом, ее авторы отмечают важность полусознанных эмоций и бессознательных аффектов. Первые позволяют интернализировать социальные роли, воплотить их в индивидуальном теле. Э. Хоуэлл в главе «Работа войны: жизнестойкость, эмоциональный фитнес и экономия аффекта в армиях Запада» подробно рассматривает «эмоциональный менеджмент» психического здоровья и переход от стоицизма к эмоциональному самоконтролю, который сопровождал в 2000-е годы рождение «новых войн». Как отмечает автор, современные миротворческие операции требуют от рядовых солдат (пехотинцев) меньше стрелять и активнее взаимодействовать с местным населением: «Сегодня солдаты не могут сначала стрелять, а потом спрашивать, — они должны сначала задавать вопросы (чтобы определить, кто враг) и лишь потом открывать огонь. Это требует высокой эмоциональной стабильности. Все чаще психическое здоровье оказывается в центре военной стратегии» [Howell, 2015, p. 144]. Связанные с последствиями войны проблемы не отрицаются (как раньше), но преподносятся как «частные неэффективные действия конкретных лиц», с которыми необходимо бороться через превентивные меры, «семейный фитнес» и укрепление жизнестойкости. «Теперь сами солдаты должны отвечать за свою жизнестойкость, психологическую стабильность и эмоциональное состояние» [Howell, 2015, p. 141]. Семьи военных и «аффективный женский труд» (эмоциональная поддержка комбатантов) косвенно используются в этой системе, позволяя сэкономить государству от 12 до 17 млрд долларов. С этой точки зрения (продолжающей идеи М. Фуко), психология и психиатрия все активнее интегрируются в технологии нелиберального управления и даже военную стратегию, обеспечивая рост социального контроля.

С другой стороны, эмоции не всегда оказываются интегрированы в социальные отношения. Они во многом телесны по своему происхождению и основаны на трудно контролируемом аффекте. На первый взгляд, такой подход во многом близок социальному конструктивизму, подчеркивающему важность коллективных рамок памяти и признающему собственную политическую ангажированность. Однако здесь эти рамки не детерминируют поведение акторов тотально: подвижность границ не просто признается, но и приобретает ключевое значение. Показательным примером в этом отношении представляется работа Д. Уэллэнд «Сострадающие солдаты и чувство комфорта», в которой рассматриваются два вектора сострадания, присутствующие в рассказах военных. Первый, в основе которого лежит этический импульс, направлен на гражданское население страны, где идет война; второй — на своих сослуживцев. Оба этих типа сострадания оказываются востребованными в рамках «новых войн», в рамках которых уничтожение живой силы, техники и инфраструктуры противника осуществляется в основном авиацией (в том числе дронами), ракетами и артиллерией. А помощь пострадавшему населению (и эмоциональное сострадание) становится функцией пехоты. Таким образом, регуляция эмоций (комфорта и дискомфорта) оказывается составной частью изменения военной стратегии. Эта новая форма интерпелляции сталкивается, однако, с самыми разными тактиками выражения сострадания и отношения к военной машине в целом [MacLeish, 2013; Wool, 2015]. Антропология здесь предполагает не просто критический анализ или отстраненное наблюдение за комбатантами как за «гуземцами», но соучастие в их практиках коммеморации и проблематизацию «экспертной» модели академического знания как беспристрастного суда над историей. В этом смысле она запускает переосмысление взаимодействия на стыке частного и публичного, — там, где повседневные практики «дают сдачи» социальным рамкам и отвлеченному знанию.

4. Экзистенциальный подход

Наконец, исследования феноменологии фронтового опыта и военной повседневности тесно смыкаются с *экзистенциальным подходом*, активнее всего представленным в России. С точки зрения Е. С. Сеньявской и ее сторонников, война рассматривается как «пограничная ситуация» и «пределный опыт», что позволяет находить точки пересечения между мировыми войнами и локальными конфликтами XX века в диахронической перспективе (и косвенно их легитимировать) [Сеньявская, 1997; Сеньявская, 2016]. Акцент при этом делается на фронтовой повседневности, позволяющей солдатам преодолевать экстраординарность «бытия к смерти». Од-

нако такой экзистенциализм сильно упрощает работу памяти ветеранов, отодвигая на второй план вопрос о политических рамках, социальных практиках коммеморации и стратегиях их индивидуального воплощения. Понятие опыта при этом излишне валоризируется и потому становится не очень операциональным: оттенки и различия в стратегиях его артикуляции нивелируются, влияние медиа и социальных клише недооценивается. Экзистенциальный подход, иногда встречающийся и в западной историографии (хотя и в более медиализированном виде), напрямую соединяет индивидуальную и коллективную психологию, действия отдельного солдата и войну в целом. «Боевой дух» становится главным залогом победы и коллективного выживания.

5 Заключение

Представленная классификация подходов достаточно условна. Большинство исследователей-практиков комбинируют разные методологические установки, поэтому относительная популярность того или иного направления в американской, британской или отечественной историографии не означает его тотального преобладания. Однако часто эклектическое соединение разных подходов, не учитывающее теоретические различия между ними, затрудняет компаративный анализ и корректные обобщения. Как было показано выше, функции военно-исторической антропологии в рамках перечисленных теоретических подходов принципиально отличаются. Экзистенциальное направление абсолютизирует фронтовой опыт комбатантов, тогда как социальный конструктивизм считает его формы репрезентации обусловленными прежде всего культурой. На этом фоне более продуктивными представляются установки феноменологического и социально-культурного подходов, которые подчеркивают важность повседневных практик коммеморации, что во многом снимает бинарное противопоставление личного опыта и культурной репрезентации. С этой точки зрения, вопрос о соотношении нормативных социальных структур и локальных практик не должен редуцироваться к заранее известному ответу. Поэтому теоретическое напряжение между обозначенными подходами имеет смысл не нивелировать или радикально абсолютизировать, но прорабатывать — искать точки практического взаимодействия и модификации существующих стратегий осмысления прошлого.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гладышев А. В.* Антропологический поворот в военной истории / А. В. Гладышев // Диалог со временем. — 2017. — № 59. — С. 136—150.

2. Калдор М. Культура новых войн / М. Калдор // Логос. — 2019. — № 3. — С. 1—21. — DOI: 10.22394/0869-5377-2019-3-1-19.
3. Нагорная О. С. «Полковник беззвучно зарыдал, слезы были на глазах офицеров...»: коммуникация эмоций за колючей проволокой / О. С. Нагорная // Диалог со временем. — 2011. — № 35. — С. 195—205.
4. Нагорная О. С. «Русский народ закончил в этой войне все классы и семинары»: военный плен Первой мировой войны как процесс обучения / О. С. Нагорная // Новое литературное обозрение. — 2008. — № 5. — С. 196—214.
5. Нарский И. В. Фронтовой опыт русских солдат 1914—1916 гг. / И. В. Нарский // Новая и новейшая история. — 2005. — № 1. — С. 194—204.
6. Николаи Ф. В. Дискурс безопасности и политическая анатомия страха в эпоху «новых войн» / Ф. В. Николаи // Логос. — 2019. — № 3. — С. 217—230. — DOI: 10.22394/0869-5377-2019-3-217-228.
7. Николаи Ф. В. Мнемозина и Марс: «новые войны» и старые рамки памяти / Ф. В. Николаи // Новое литературное обозрение. — 2019. — № 5. — С. 353—364.
8. Сенявская Е. С. Человек на войне: историко-психологические очерки / Е. С. Сенявская. — Москва : ИРИ РАН, 1997. — 232 с.
9. Сенявская Е. С. Военная антропология: опыт становления и развития новой научной отрасли / Е. С. Сенявская // Вестник Мининского университета. — 2016. — № 1—2. — С. 14.
10. Уинтер Д. Места памяти и тени войны / Д. Уинтер // Вестник Мининского университета. — 2016. — № 1—2. — С. 9.
11. Bourke J. The Second World War: People's History / J. Bourke. — New York : Oxford University Press, 2001. — 270 p.
12. Collective Memory in War / E. Rozhdstvenskaya, V. Semenova, I. Tartakovskaya, K. Kosela (eds.). — London : Routledge, 2016. — 196 p.
13. Danilova N. The Politics of War Commemoration in the UK and Russia / N. Danilova. — New York : Palgrave Macmillan, 2016. — 256 p.
14. Fussell P. The Great War and Modern Memory / P. Fussell. — New York, London : Oxford University Press, 1975. — 384 p.
15. Howell A. Making War Work: Resilience, Emotional Fitness, and Affective Economies in Western Militaries / A. Howell // Emotions, Politics and War / Åhäll, T. Gregory (eds.). — New York : Routledge, 2015. — P. 141—153.
16. Lutz C. Anthropology in an Era of Permanent War / C. Lutz // Anthropologica. — 2009. — Vol. 51. — P. 367—379.
17. Lutz C. Homefront: A Military City and the American Twentieth Century / C. Lutz. — Boston : Beacon Press, 2002. — 326 p.
18. MacLeish K. Making War at Fort Hood: Life and Uncertainty in a Military Community / K. MacLeish. — Princeton : Princeton University Press, 2013. — 273 p.
19. Oushakin S. A. The Patriotism of Despair: Nation, War, and Loss in Russia / S. A. Oushakin. — Ithaca : Cornell University Press, 2009. — 299 p.
20. Price D. Weaponizing Anthropology: Social Science in Service of the Militarized State / D. Price. — New York : AK Press, 2011. — 208 p.
21. Sherman N. The War within: Moral Injury and Guilt / N. Sherman // Heroism and the Changing Character of War: Toward Post-Heroic Warfare? / S. Scheipers (ed.). — New York : Palgrave Macmillan, 2014. — P. 268—285.

22. *Tartakovskaya I.* The Space of Memory in Afghanistan War Museum / I. Tartakovskaya, E. Rozhdestvenskaya / Collective Memory in War / E. Rozhdestvenskaya, V. Semenova, I. Tartakovskaya, K. Kosela (eds.). — London : Routledge, 2016. — P. 85—98.
23. *Winter J.* War beyond Words: Languages of Remembrance from the Great War to the Present / J. Winter. — Cambridge, New York : Cambridge University Press, 2017. — 234 p.
24. *Wool Z.* After War: The Weight of Life at Walter Reed / Z. Wool. — Durham : Duke University Press, 2015. — 264 p.

MILITARY-HISTORICAL ANTHROPOLOGY: VECTORS OF THEORETICAL POLEMIC IN RUSSIAN AND ENGLISH HISTORIOGRAPHY

© **Fedor V. Nikolae (2021)**, orcid.org/0000-0002-8876-9441, Doctor of Philosophy, Professor, Department of General History, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University”; Professor, Department of Social Sciences and Humanities, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Privolzhsky Research Medical University” of the Ministry of Health of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia), fvnik@list.ru.

© **Lydia V. Sofronova (2021)**, orcid.org/0000-0002-7259-4333, Doctor of History, Professor, Department of General History, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University” (Nizhny Novgorod, Russia), lidiasof@yandex.ru.

© **Anna V. Khazina (2021)**, orcid.org/0000-0001-5044-4900, PhD in History, Head of the Department of General History, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University” (Nizhny Novgorod, Russia), annh1@yandex.ru.

A classification of theoretical approaches in military-historical anthropology is proposed. The authors note that social constructivism prevails in English-language historiography as a whole, while in Russian studies an existential approach does. It is shown that the socio-cultural direction and the phenomenology of the front-line experience have recently begun to play an increasing role. It is concluded that a theoretical analysis of the differences between these approaches allows not only to identify their strengths and problematic sides, but also to outline the prospects for interaction between them. The authors note that the most promising today is the setting for the participation of representatives of the academic community in joint cultural practices of representing the front-line experience with combatants, which makes it possible to make the dialogue between the phenomenology of front-line experience and the socio-cultural approach the most productive. It is argued that within the framework of such a dialogue, the question of the relationship between normative social structures and local practices should not be reduced to a previously known answer. It is emphasized that it makes sense not to level out or radically absolutize the theoretical tension between the indicated approaches, but to work it out — to look for points of practical interaction and modification of existing strategies for comprehending the past.

Key words: military-historical anthropology; commemoration practices; social constructivism; phenomenology of front-line experience.

REFERENCES

- Bourke, J. (2001). *The Second World War: People's History*. New York: Oxford University Press. 270 p.
- Danilova, N. (2016). *The Politics of War Commemoration in the UK and Russia*. New York: Palgrave Macmillan. 256 p.
- Fussell, P. (1975). *The Great War and Modern Memory*. New York, London: Oxford University Press. 384 p.
- Gladyshev, A. V. (2017). Antropologicheskiy povorot v voennoy istorii [Anthropological turn in military history]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with time], 59: 136—150. (In Russ.).
- Howell, A. (2015). Making War Work: Resilience, Emotional Fitness, and Affective Economies in Western Militaries. In: Åhäll, Gregory, T. (eds.). *Emotions, Politics and War*. New York: Routledge. 141—153.
- Kaldor, M. (2019). Kultura novykh voyn [Culture of new wars]. *Logos* [Logos], 3: 1—21. DOI: 10.22394/0869-5377-2019-3-1-19. (In Russ.).
- Lutz, C. (2002). *Homefront: A Military City and the American Twentieth Century*. Boston: Beacon Press. 326 p.
- Lutz, C. (2009). Anthropology in an Era of Permanent War. *Anthropologica*, 51: 367—379.
- MacLeish, K. (2013). *Making War at Fort Hood: Life and Uncertainty in a Military Community*. Princeton: Princeton University Press. 273 p.
- Nagornaya, O. S. (2008). «Russkiy narod zakonchil v etoy voyne vse klassy i seminary»: voenny plen Pervoy mirovoy voyny kak protsess obucheniya [“The Russian people finished all classes and seminars in this war”: the war captivity of the First World War as a learning process]. *Novoye literaturnoye obozreniye* [New literary review], 5: 196—214. (In Russ.).
- Nagornaya, O. S. (2011). «Polkovnik bezzvuchno zarydal, slezy byli na glazakh ofitserov...»: kommunikatsiya emotsiy za kolyuchey provolokoy [“The Colonel silently sobbed, there were tears in the eyes of the officers...”: communication of emotions behind barbed wire]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with time], 35: 195—205. (In Russ.).
- Narskiy, I. V. (2005). Frontovoy opyt russkikh soldat 1914—1916 gg. [Front-line experience of Russian soldiers in 1914—1916]. *Novaya i noveyshaya istoriya* [New and recent history], 1: 194—204. (In Russ.).
- Nikolai, F. V. (2019). Diskurs bezopasnosti i politicheskaya anatomiya strakha v epokhu «novykh voyn» [Security discourse and the political anatomy of fear in the era of “new wars”]. *Logos* [Logos], 3: 217—230. DOI: 10.22394/0869-5377-2019-3-217-228 (In Russ.).
- Nikolai, F. V. (2019). Mnemozina i Mars: «novyye voyny» i starye ramki pamyati [Mnemosyne and Mars: “new wars” and old frames of memory]. *Novoye literaturnoye obozreniye* [New literary review], 5: 353—364. (In Russ.).
- Oushakin, S. A. (2009). *The Patriotism of Despair: Nation, War, and Loss in Russia*. Ithaca: Cornell University Press. 299 p.
- Price, D. (2011). *Weaponizing Anthropology: Social Science in Service of the Militarized State*. New York: AK Press. 208 p.
- Rozhdestvenskaya, E., Semenova, V., Tartakovskaya, I., Kosela, K. (eds.) (2016). *Collective Memory in War*. London: Routledge. 196 p.

- Senyavskaya, E. S. (1997). *Chelovek na voyne: storiko-psikhologicheskiye ocherki* [Man in the war. Historical and psychological essays]. Moskva: IRI RAN. 232 p. (In Russ.).
- Senyavskaya, E. S. (2016). Voennaya antropologiya: opyt stanovleniya i razvitiya novoy nauchnoy otrasli [Military anthropology: the experience of the formation and development of a new scientific industry]. *Vestnik Mininskogo universiteta* [Bulletin of the Minin University], 1—2: 14. (In Russ.).
- Sherman, N. (2014). The War within: Moral Injury and Guilt. In: Scheipers, S. (ed.). *Heroism and the Changing Character of War: Toward Post-Heroic Warfare?* New York: Palgrave Macmillan. 268—285.
- Tartakovskaya, I., Rozhdestvenskaya, E. (2016). The Space of Memory in Afghanistan War Museum. In: Rozhdestvenskaya, E., Semenova, V. Tartakovskaya, I., Kosela, K. (eds.). *Collective Memory in War*. London: Routledge. 85—98.
- Uinter, D. (2016). Mesta pamyati i teni voyny [Places of memory and shadow of war]. *Vestnik Mininskogo universiteta* [Bulletin of the Minin University], 1—2: 9. (In Russ.).
- Winter, J. (2017). *War beyond Words: Languages of Remembrance from the Great War to the Present*. Cambridge, New York: Cambridge University Press. 234 p.
- Wool, Z. (2015). *After War: The Weight of Life at Walter Reed*. Durham: Duke University Press. 264 p.